

И.В. Аникина

(Украина, г. Умань)

Гиперонимические наименования земледельца

в памятниках русской письменности XVI-- XVII вв.

Агентивная лексика сельского хозяйства репрезентирует древнейший, традиционный для восточных славян вид занятий, отражает жизненный уклад русского народа на протяжении длительного периода его истории: мелкое крестьянское хозяйство составляет типичную черту феодального способа производства. Она сформировалась на народно-разговорной основе, представлена подавляющим большинством исконных слов и мало подвержена иноязычным влияниям; в ее состав входят слова различной диахронической глубины – фиксируемые ранними памятниками древнерусской письменности и инновации позднейшего периода формирования русского национального языка[9, 54].

Агентивные наименования сельскохозяйственной сферы, наименования сельскохозяйственных специальностей в русском языке периода Московской Руси не были объектом специальных исследований ни в историко-лексикологическом, ни в деривационно-ономасиологическом аспектах, хотя фрагментарно и привлекались к анализу в работах по историческому словообразованию, при описании истории отдельных слов, объединенных по семантико-словообразовательному критерию (Железнова Р.В., Чумакова И.В., Львов И.С. и др.). Таким образом, несмотря на многочисленные исследования, посвященные проблемам словообразовательной номинации лица в истории русского языка, остается неясным, в какой степени закономерности формирования словообразовательной системы русского языка XV – XVII вв., связанные со специализацией деривационных морфем и перераспределением их продуктивности, перестройкой всей системы морфологического словообразования,

получают отражение в этой части агентивной лексики русского языка, как проявляется конкуренция номинативных средств и способов. « При том что способы называния нового достаточно всеобщы, не только в различных языках и в различные периоды их развития оказывается различным соотношение этих способов, но, как нетрудно заметить, оно неодинаково в различных частях лексики» [10, 30].

Объектом исследования есть гиперонимические наименования земледельца в памятниках русской письменности XVI-- XVII вв.

Лексико-семантическую группу гиперонимических наименований, значение которых описывается дефиницией «пахарь, земледелец», образуют:

а) аффиксальные производные, формально-семантически связанные с синонимическими глаголами *орати*, *пахати*;

б) композиты, формально-семантически связанные с объектными конструкциями.

В памятниках русской письменности богато представлены варианты номинации, производные от основ синонимических глаголов *орати*, *пахати* – «взрыхлять землю для посева, обрабатывать землю» [6, II, 891]. Лексико-семантическую группу личных существительных со значением «тот, кто пашет, пахарь» образуют ряды словообразовательных вариантов – однокоренных дериватов с разными суффиксами. Широкий ряд словообразовательных вариантов образуют производные от общеславянского глагола *орати* «пахать»:

оратай – *орачь* – *орал* – *орець* «пахарь» [6, II, 704];

пахати – *пахотникъ* (конец XVI – середина XVII вв.), *пахарь* (середина XVII в.).

Производные от основы общеславянского глагола *орать* [6, II, 704] наименования лица на *-атай* и с суффиксом *-ачь* *оратай*, *орачь* употребляются в ранних памятниках древнерусской письменности в значении «пахарь, земледелец» [6, II, 704; III, 104],

например: *Володимерь градъ есть пригородъ нашъ, и живутъ в немъ наши холопи каменосѣчци и древодѣлци и орачи* (Никоновская летопись 6684 г.); *Ино одѣяние воину..., ино желѣзному ковачю, ино орачю* (Стогл. И.Г.Р. 1X. пр. 828); *И ратаи сѣ на простѣтъчи земли, нѣ надобрѣ* (Изб. 1073 г., 90); *Дньсь пѣсньми оувяземъ Кура съ Ивановь, рата благодати* (Стих. XII в., 141).

В письменности XVII в. отражается семантическое развитие НЛ *орачь*, которое приобретает семы негативной оценки и передает как номинативное значение «земледелец, пахарь» (ЛСВ 1), так и значение отрицательной оценки «мужик, простолюдин, невежа» (ЛСВ 2), маркируемое в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» стилистической пометой *бранное* [5, 13, 62]. Ср. контексты употребления НЛ *орачь* а) в прямом номинативном значении: *Сице и воины, и коробнищи, и ораче и жателя створити обыкоша: они прежде времени брани и бронь очищаютъ... и брѣзды приготавлиють* /МЧ, Сент. 14–24, 866, XVI в./; *Бысть Исавъ ловець и орач* /Палея ист. сокр., 19, XVI в./; б) в производном значении: *Начешу подъяему царьский указ чести, Емельянь не воста и шапки не сня, и вся ево станица...орачи, невѣгласи, сѣляне, никто не воста и шапки не сня* /Евфр. Отрадит. Пис., 30, 1691 г./.

В русском языке XVII в. наблюдается расширение вариантного ряда словообразовательных номинаций производными НЛ с суффиксами *-аль, -ец*: *ораль, орець* [5, 13, 60, 67].

Вариантные словообразовательные номинации *оратай, ораль, орець* в письменности XVII в. функционируют в значении «пахарь»: *оратай, орачь* [1, 31]; «*ораль – живой на селѣ, орый плугом своим*» (подпись под рис. В РКП. XVI в.) [5, 13, 60]; *орцомъ давати наму 2 алтына* (Кн. расх. Свир. м. 6, 68, 1615–1631 г.); *Нарядникъ старецъ Леванид дал орцу найму четыре алтына да сѣнокосу шесть алтынъ* (Кн. прих.-расх. Свир. м., №25, 97 об., 1658 г.) [5, 13, 67].

Формально-семантически связанные с глаголом *орати* номинации лица постепенно утрачивают актуальность в связи с архаизацией производящего глагола и всех компонентов его словообразовательной парадигмы, вытесненными синонимическими лексическим средствами, формирующимися на словообразовательной базе глагола *пахати*.

Так, в «Материалах...» И. Срезневского словообразовательная парадигма производящего глагола *орати* «пахать» представлена НЛ *орачь* – «пахарь»: *орати, орамый*: *орамая земля* = *ворамая земля* «пашня, пахотная земля, земля, годная под пашню»; *оратва* и *орание* «пахание»; *орало*; *ораница* «пашня, пахотная земля» и *ораница* «пашня, пахотная земля, земля годная под пашню» – конденсат словосочетания *орамая земля* «пашня, пахотная земля, земля, годная под пашню»; *орачь* «пахарь» [6, II, 703–704].

Глагол *орати* и отглагольные субстантивы употребляются в текстах различных жанров на протяжении древнерусского периода: *Жены ни орють, зиждуть храмы, мужьская дѣла творѣть* /Повесть временных лет, Введение/; *На весну начнет. смердѣ тотѣ Орати лошадию тою.* /Ипатьевская летопись 6619 г./; *Уставили бо ихъ Татарове, да имъ Орють пшеницю и проса* /Ипатьевская летопись 6749 г./; *Ни косити, ни орати* /Договорная грамота Вас. Дм. 1389 г./; *Болишимъ людемъ изъ монастырьскихъ сель... монастырь и дворъ тынити, хоромы ставитъ, игумновъ жеребеи весь ролѣи орати възгономъ* /Уст. гр. с. Кипр Конст. мон. 1392г./.

Синтаксические дериваты *орание, оратва, ратва* в «Материалах...» иллюстрируются единичными примерами из Быт. X У. 6 по спискам XIV в. и XV в.: «**орание** – пахание: – Нѣсть ораниѣ, ни жатвы (по др. СП. *оратвы, ратвы*). *Быт. X У. 6 по сп. XIV в ... оратва* – пахание: – Не боудеть оратвы, ни жатвы. *Быт X У. 6. по сп. XV в. (В.)*» [6, II, 703–704]; существительное *ораница* – цитатами из текста Грамоты кн. Изяслава Мстиславовича 1148 года, *ораница* – из

Новгородской купчей XIV–XV в.: *А заводъ тои земли отъ Юрьѣвскои
границы простью в верхъ и съ прости возлѣ . Оушьковскоую ораницоу
по верхнеи сторонѣ; Отъ Юрьѣвского межъника логомьподѣлѣ
Юрьѣвскоую рель да подѣлѣ Юрьѣвскоую ораницю логомь, да по
конецъ логоу промежь ораницы Юрьѣвскои Оушькова поля./Грам. кн.
Мст. 1148 г./; *Се купи...пол-полца орамои земли...и въ другомъ мѣстѣ
пол-полца орамици...и бережного лоскута половина орамици /Новг.
купч. XIV–XV в. 22/.**

В отличие от универба *орамица*, зафиксированного в одном памятнике поздней древнерусской письменности, его семантический эквивалент *орамая земля* («пашня, пахотная земля, земля, годная под пашню») относится к широкоупотребительной в письменности этого периода лексике, ср.: *Горныи орамыи земли...и нарѣчскіи орамыи земли /Новг. купч. XIV–XV в.4/; Три села, дворы и дворища, орамыи земли тихъ сель... и пожни тихъ сель /Там же, 6/; На горѣ орамы земли и притеребы, и въ островѣ орамыи земли, и пожьнѣ, и притеребы, и въ островѣ орамыи земли, и пожьнѣ, и рѣнѣща /Там же, 9/; Далъ есмь въ домъ святому Николи въ Чюьхченему..., дворъ и дворищо, орамую землю /Дух Вас. иг., около 1350 г./; Четверть наволока моего оучастька...ворамои земли, въ пожьняхъ, и въ лѣсѣхъ, и въ водахъ, и въ земляхъ, и во всемъ наволокахъ четверть моя /Дух. Арт. черн. около 1350 г./.*

Синонимические средства выражения перечисленных выше значений формируются на протяжении XVI в.

Самые ранние письменные свидетельства функционирования глагольной лексемы **пахати** в значении «взрыхлять землю для посева, обрабатывать землю» содержит Повесть временных лет: *Пашють нивы сво /Пов. вр. л. по Переясл. СП. 6454 г./ [6, II, 891].*

В отличие от многокомпонентной, развитой деривационной парадигмы глагола *орати*, словообразовательный потенциал глагола *пахати* в древнерусском языке еще не реализован в памятниках древнерусского периода употребляется только адъективный дериват *пашеньный* = *пашонъныи* «годный под пашню, пригодный къ распахиваню, пахотный» [6 II, 892]: *Пашонныхъ и непашонныхъ земель и всякихъ угодеи* /Обл. меж. зап. 1391 г./.

К началу XVI в. относятся первые письменные фиксации синонима *пахотъный* «годный для распахиваня», существительного *пашенья* «вспаханное поле», к последней трети XVI в. – адъектива *пашеньный* в относительном значении «относящийся к паханию»: *Отъ березъ да отъ елки лѣсомъ пахотнымъ* /Судн. СП. 1498 – 1505 г./; *Да пашнею по гранемъ и по ямамъ* /Меж. гр. в.кн. Ив. Вас.1501 г./; *Всякая подворенная рухледь мѣдяная и оловянная и желѣзная и деревянная, и пашенная снасть* /Дух. Мясоед. Висл. 1568 г./.

К концу XVI в., как свидетельствует иллюстративный материал «Словаря русского языка XI–XVII веков» [5, 14, 175; 178], относятся первые употребления собственно русского НЛ *пахотникъ* – «тот, кто занимается земледелием, пашет землю» [5, 14, 178], например: *А кто в дер(евне) на Шолохове сѣяли крестьяне... ржи и что на софѣской сторонына новодаточной земли сѣяно у пахотников ржи изъ тое ржи намъ, что укажутъ государевы дѣяки взятии* /Кн. ям. Новг., 29, 1589 г./.

НЛ *пахотникъ* функционирует в русской письменности до середины XVII в.: *И сами тѣхъ пустошей не пашемъ и сѣнь не косимъ, и пахотники, государѣвъ напахъ не емлютъ* /ДТ.П. П, 393, 1602 г./; *Выдѣлной снопъ по ншему указу положень на всякихъ пахотниковъ, oprичъ нашихъ и служилыхъ людей* /Цар. гр.: РИБ, 2, 398, 1622 г./; *А кторые крестьяне написаны были въ первомъ выборе. и те крестьяне семьянистые, дети у нихъ пахотники* /Переп. Одоевск. 49, 1650 г./.

Первые употребления синонимичного НЛ *пахарь*, производного с помощью суффикса *-арь* от основы русского глагола *пахати* [8, 293], наблюдаются в русской письменности середины XVII в.: *Пашенная з (земля) поспѣла, а пахареи мало* (Куранты, 25,184з г.); *Сказали пашня олонецких же крестьянъ, а пахоремь имян не сказали* (А. Свир. м., № 124, 1851 г.); «*Пахарь*» [1, 31].

Многовариантность гиперонимических номинаций, лексическое значение которых описывается дефиницией «тот, кто занимается земледелием, земледелец, пахарь», отражено в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И.Срезневского.

В XVI в. агентивные НЛ пополняются как малопродуктивными в древнерусский и русский периоды словообразовательными типами НЛ на *-атай*, формирование которого восходит к эпохе балто-славянских языковых контактов (*Азарх*), так и высокопродуктивными словообразовательными типами личных существительных на *-никъ* (*боронникъ*).

1. Влх.словарь, 149, XVII в. -Venetiis, 1658. С рукопис. пер. Сильвестра Медведева. – Рукоп. Н.Н. Попова, к. XVI в.
2. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование / Е. С. Кубрякова // Языковая номинация. Виды наименований. – М. : Наука, 1977. – С. 93.
3. Словарь русских народных говоров. – Л., 1965-1999 .
4. Словарь русского языка . В 4-х тт. Т. II. М., 1982.
5. Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1975.
6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – М., 1893-1912. – Т. 1-3.
7. Хохлачева В. Н. Словообразование существительных со значением лица / В. Н. Хохлачева // Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV–XVII вв. – М., 1974. -- С. 11-58.

8. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – К., 1989.
9. Шкатова Л. А. Развитие ономазиологических структур (на примере наименований лиц по профессии в русском языке) / Л. А. Шкатова. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – С.54.
10. Шмелёв Д. Н. Введение / Д. Н. Шмелев // Способы номинации в современном русском языке. – М. : Наука, 1982. – С. 3-45.